

Собеседник

Соколов Василий Васильевич

Ведущий

Найденкин Михаил Сергеевич

Дата записи

Беседа записана 21 декабря 2012 и опубликована 30 марта 2018.

Введение

Четвертая и последняя беседа с историком философии, заслуженным профессором МГУ Василием Соколовым посвящена вопросам развития гуманитарного образования и гуманитарной науки в СССР. Ученый вспоминает об идеологии в преподавании истории и философии, различных формах конформизма ученых, репрессиях и относительных послаблениях режима. Много внимания уделено выдающимся преподавателям философского факультета: Алексею Лосеву, Валентину Асмусу, Павлу Попову, Григорию Андрееву и многим другим.

Преподавание философии в первые годы советской власти

Василий Васильевич Соколов: Я хочу кратко рассказать о развитии философии как важнейшей дисциплины, вот даже с революционных времен, несколько слов о них скажу. Ведь философия, ее преподавание в университетах было ликвидировано с первых лет советской власти, советского строя. В Московском университете, и не только там, был историко-филологический факультет, там было отделение философии. Профессор Лосев, о котором я в дальнейшем расскажу, и профессор Попов, они как раз окончили это отделение. Его окончил каким-то образом профессор Галанза, который стал специалистом по философии права, человек очень образованный и великолепный оратор.

Был ликвидирован и заменен бог знает чем, насколько я помню, факультет этнологии. У нас теперь есть кафедра этнологии вместо кафедры археологии. Длительное время такая кафедра была до войны и после войны, но теперь ее трансформировали в кафедру этнологии — правильно. Что же, раскопы производятся для выявления тех субъектов, которые жили и которые оставили какие-то артефакты. Об этнологии я тут еще говорю, потому что буквально какой-нибудь месяц назад или меньше умер заведующий кафедрой, Епифанов, по-моему. Нет, не Епифанов, другая фамилия, я с ним не был знаком. Да, ликвидация историкофилологического факультета целиком. Была кафедра философии права на юридическом факультете, ее не стало.

Говорить вот об этом корабле мне незачем, потому что широко известно. Пассажиры этого корабля, Бердяев и другие...

Михаил Сергеевич Найденкин: «Философского парохода».

В. С.: Да, они хотели работать, хотели развивать социальные предметы, дисциплины, но этого им не было дано. Ильин — об этом говорить чего же, это уже позавчерашний день. Но все-таки требовалось, конечно, какое-то образование политическое. И вот образовывали. Комуниверситет имени Свердлова был, а потом, по-моему, вместо него — Институт красной профессуры*. Это свойственно было самой идеологии так повышать — красной профессуры. Хотя учились там люди не очень грамотные, были ли там экзамены, сомневаюсь.

Наряду с ним была организована попозже Академия комвоспитания по идеям Богданова. Эта академия носила имя Крупской Надежды Константиновны, но аудитория там была в основном дореволюционная. Знаю кое от кого, что там было не очень интересно. Дело в том, что кого они изучали? Маркс, Энгельс, Ленин, пока не дошли и до Сталина, это где-нибудь возраст 33-го – 34-го. Но необходимость все более серьезного социального образования нарастала. В этой ситуации в 31-м году организовали Институт философии и истории. Философии не было, по-моему, нигде, и истории как дисциплины высшего образования тоже не было нигде.

Аудитория этих учебных заведений тоже была более-менее случайная. Кажется, без экзаменов принимали, по путевкам. Изучали Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, но тут вот повезло Гегелю. Гегель как философ не столько сам по себе пришел к нам в это время, а как тот философ, без которого не было марксистской идеологии. Для Маркса, Энгельса, а за ними и для Плеханова, и для многих других партийцев, партийцев — не компартия, она уже приобрела международное значение, — Интернационалы, Третий и так далее... И вот в этой ситуации работал Институт красной профессуры, это пышное название (усмехается). Выпускали, присваивали профессоров. Я об одном из них скажу, это типичная, так сказать, форма без содержания, амбиции без амуниции.

О преподавании истории

Значит, история и философия. История почему? История ориентировалась главным образом на Михаила

^{*} Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова существовал в Москве с 1918 по 1937 годы. Институт красной профессуры (ИКП) был открыт в 1921 году.

Николаевича Покровского, был такой историк России, марксист, ленинец. Ленин очень высоко ценил его. Книги по истории России, в сущности, вульгарные, книги социально-экономической тематики.

Я писал в своих воспоминаниях в «Вопросах философии», что я мальчишкой в селе учился в школе, а когда родители перебросили меня в Москву к родным, то где-то классе седьмом я взбунтовался против того, как преподается история. Я взбунтовался, потому что знал другой учебник. Дело в том, что мой отец — кузнец, мастер хороший, но так как в селе нарастали трудности, двигали колхозы, и даже в НЭП не так уж хорошо жили... Хотя Ленина ценили, попутно скажу, за то, что дал землю. Он программу аграрную спер у эсеров (эсеры же были крестьянской партией), но мужики этого не знали, а он умер достаточно рано. Вот отсюда его авторитет. На этой волне и в условиях нараставшего разгрома церкви, он не сразу же, конечно, произошел, да, и Мавзолей возник, и церкви многие ликвидировали. В 31-м году, как известно, взорвали храм Христа Спасителя.

Да, но все же жизнь брала свое. Появились новые фигуры, появилось наше поколение, родившееся после Октября, и это считалось социально очень положительным фактором. Они старой жизни не знают...

М. Н.: Новые люди.

В. С.: Да, и они легче должны поддаваться выковке нового человека. Я поступил в фабрично-заводскую семилетку. Неделю предметы изучались естественнонаучные, а один день на каком-то предприятии. Вот там так произошло, не только со мной.

Время все равно настолько политизированное, что учеников, этих мальчишек тринадцати, четырнадцати, пятнадцати лет, насыщали, заставляли читать все произведения классиков, хотя на этом уровне не очень интенсивно.

Историю преподавали по Покровскому. А отец, который уехал из села в город и там стал прорабом по разным работам, прислал мне ящик истрепанных книг, в котором оказался, с одной стороны, Лермонтов, мой первый поэт. Не издавали же ничего. И во-вторых, книга Александры Ишимовой «История России» — это в сущности переложение Карамзина. Эту книгу очень высоко оценил Пушкин, и его последнее преддуэльное письмо к ней как раз содержит очень положительное высказывание об этой книге. По ней я прикоснулся к истории впервые. Когда прибыл в Москву где-то в седьмом классе, история по Покровскому меня выводила из себя, и я стал возражать.

М. Н.: Вы рассказывали про конфликт с преподавателем.

В. С.: Вот это все есть. Конфликт, да. За шиворот: «Почему-то этот монархист оказался». Ладно. Но все-таки директор спустил на тормозах, он умный, из рабочих. А здесь что произошло? Это сейчас несколько замалчивают. Дело в том, что Сталин, Киров и Жданов раскритиковали Покровского. Он умер, правда, в 32-м году. Московскому университету присвоили его имя, и семь годов*, от 32-го — год смерти — до, помоему, 39-го Московский университет был имени Михаила Николаевича Покровского. И где-то в 39-м, может, в 40-м Ломоносову, можно сейчас вспомнить, исполнилось сколько-то, и тихо убрали вывеску с Покровским, и вот тогда он стал университетом имени Ломоносова.

Философский факультет

Да, но философский факультет... И после этого постановления 34-го года и здесь открыли исторический факультет. Так что их стало два. В ИФЛИ — Московский институт истории и философии, потом истории, философии и литературы, а года за два до войны и экономику прибавили. А литература была

^{*} Имя Михаила Николаевича Покровского Московский университет носил пять лет с 20 октября 1932 года по 11 ноября 1937. С 7 мая 1940 года — имя Михаила Васильевича Ломоносова.

переименована в филологию, что правильно.

Как образование там? Ничего, лучше, конечно, чем в этих коммунистических высших заведениях вроде Комуниверситета, Академии комвоспитания имени Крупской. Кого-то из них перебросили к нам в ИФЛИ. Учились там, между прочим, на литературном факультете Твардовский и Симонов, еще какие-то литераторы. И новое поколение было более молодое, более требовательное. Но все-таки план-то какой? План был обычный, идеологизированный: Маркс, Энгельс, Ленин. На философском факультете до 41-го года была лишь одна кафедра — диалектического и исторического материализма.

И вот один из молодых активных преподавателей партийцев, это было почти обязательно, Александров Георгий Федорович... Все-таки его можно вспомнить хорошим словом, потому что он, читая историю, не буду говорить о том, как он ее читал и знал. Он не получил образования, потому что он полубеспризорный, вроде меня, сын путиловского рабочего, рано потерял отца, но все-таки что-то у него было. Он читал историю философии и перед самой войной организовал кафедру истории философии.

Более образованный, более серьезный был Борис Степанович Чернышёв. У нас висит его портрет. Борис Степанович Чернышёв, успевший окончить не только гимназию, но даже историко-филологический факультет Императорского университета. Они были все императорские, поэтому заменили императорские на государственные. Он стал заведующим, потому что, во-первых, после 37-го – 38-го годов навели опустошение и в преподавательских кадрах, собственно, в этой ситуации брали-то кого угодно, во-вторых, Александрова забрали в ЦК, в Коминтерн. Все же вторая появилась кафедра у нас — кафедра истории философии.

В войну ИФЛИ и университет, не знаю, полностью ли, во всяком случае, гуманитарные факультеты оказались в эвакуации в Ашхабаде. Не знали, что делать, обратились к Александрову. Дело в том, что Сталин его сделал членом Оргбюро ЦК. Конечно, это не Политбюро, но все-таки они могли решать. Не министры, нет, на это они не могли претендовать, да и не претендовали, это делалось Политбюро, а вот преподаватели, в Академию наук рекомендовать кого-то. Претендовавшие в Академию наук обязательно снабжались, если были достойны, рекомендацией ЦК. И обратились к нему, он сказал: «Сливайтесь с МГУ». Так что с 41-го года отмечают теперь у нас — последний раз 70-летие — юбилей факультета философского. Можно и филологического, не знаю, отмечали ли они. Экономисты могли: они появились в силу этого объединения.

Я вернулся из госпиталя в начале 43-го года, и вижу тут преподаватели...

М. Н.: Контузия у вас была?

В. С.: Нет, у меня было ранение в бедро, но контузия тоже была. Преподавателей знал, я ведь учился на историческом факультете, да ушел до четвертого курса. Дело в том, что на философский я не собирался поступать, и приема не было в 36-м году, когда я кончил школу, и в 37-м году, когда господствовал террор, молодежь брали и прочее. В 38-м открыли прием, и семь человек с исторического перешли, а я колебался: философия — что-то все-таки неопределенное.

Историю я любил, но метался между русской, Античностью, Средневековьем. Выбрал было Средневековье, но потом передумал и подал заявление перевести меня на философский.

Директор говорит: «Так у вас столько предметов, как это вы там...» На философском кафедра была одна, но естественнонаучные предметы были: математика, физика, химия, биология, физиология органов чувств. Я тут думал перейти в МГУ, потому что на этом курсе открылось отделение исторического материализма. Помню, существовало всего один год. Я пошел к декану, деканом почему-то был известный экономист Удальцов. Было два Удальцовых: один историк- медиевист, а другой — историк экономической

мысли. Кажется, теперешний бунтарь — внук* одного из них.

М. Н.: Так точно, да.

История с дневником

В. С.: Да, я все-таки историю люблю, но не знал, какую избрать, и решил перейти на философский. Не пускали, а потом пустили. И мне пришлось сдавать все эти предметы естественнонаучные. Все истории, литература кое-какая, всё это засчитывалось. Поэтому мне нужно было только это. Я не думаю, что мне нужно повторять, я уже на философском, дневник я вел давно, а тут в дневнике... Нужно это?

М. Н.: Вы рассказывали, как вы сделали запись по поводу пакта Молотова-Риббентропа, и как вас подставили с этой записью.

В. С.: Запись, не по первому, по второму.

М. Н.: Да-да-да.

В. С.: По второму, где Молотов объявил агрессорами Англию и Францию, и, кстати, Польшу. Часть Польшито взяли по договоренности, по первому договору с Гитлером.

Вот и я тут возмутился (ну, соплив был), что вчера Гитлер — враг, а сегодня ему Сталин телеграмму послал к рождению.

Он родился, по-моему, в 89-м году, он на десять лет был моложе Сталина. Да, написал так резко. При переезде с Усачевки, где мы жили, на Стромынку — огромное общежитие, со всей Москвы буквально туда. А дневник забыл в столе. Его нашел (мне говорили кто) и передал в комитет комсомола. Туда неожиданно пригласили меня в сентябре, по-моему, 40-го года, начали допрашивать, спрашивать, как, что ты... Я был удивлен, говорю, что как все, я работаю на участке, я участвовал уже в первых выборах в Верховный Совет, мне уже исполнилось восемнадцать лет. Это был 37-й год, декабрь. А хотя Ежова уже не было, он сидел, его вскоре ликвидировали, был Берия — это все-таки уже более либерально, долго воспитывали меня в райкоме. Я говорю: «Ошибался, вот, видите, договор такой, ну, привык, что фашизм — наш враг». — «Да-да-да». Это формальность. Вспомнили, что комсомол нужно воспитывать. Да, воспитывали-воспитывали, а все-таки где-то в начале апреля 41-го года вызывают в МГК*, и там начинается обсуждение моего дневника. Какое обсуждение — посмотрел секретарь и говорит: «У тебя нутро гнилое. Что же ты не понимаешь, что Англия и Франция, да и Польша с ними, и есть агрессоры, а не Германия». А так как я нигде не выступал, это дневник, можно было его сунуть куда-то, а они... Тогда была, так сказать, партийная норма: попался тебе документ — изволь ему дать ход. И в ежовщину если бы он попал, то всё, а тут написали: «За двурушничество» — говорил одно, а думал о другом.

М. Н.: Вы рассказывали, Василий Васильевич.

В. С.: Да, вот и так далее. Словом, исключили.

М. Н.: Вы начали говорить про кафедру, про Александрова, Чернышёва...

В. С.: Да. И что же, война меня спасла.

М. Н.: В определенном смысле.

5

^{*} Сергей Уальцов не внук, а правнук ректора МГУ, экономиста Ивана Дмитриевича Удальцова.

^{*} MГК — Московский городской комитет — столичный территориальный орган ВКП (б)/КПСС, ВЛКСМ и проч.

Служба в зенитном полку. Бои под Москвой

В. С.: Да. Призвали, попал я. Ифлийцев много было, мы сразу записались добровольцами. Разные есть группы, есть группы, которые возил Микулинский под Смоленск.

М. Н.: Расскажите про него, у нас запись обрывается, там какая-то странная история.

В. С.: Микулинский был типичный партийный карьерист.

М. Н.: А как его звали?

В. С.: Семён Рувимович. Он парень волевой, но организатор, дружен был с Шелепиным. А Шелепин — это фигура более значительная, но говорили, что Шелепин...

М. Н.: Могла стать более значительной, скорее, да?

В. С.: Он был мой сокурсник по историческому факультету. Он тоже пришел на это обсуждение. Он был чуть ли не секретарем парткома. Избивали за что? Ну, заносчивый. А Шелепин, в его выступлении я почувствовал такой элемент, не то что примирения, «ты своей головой, не туда идешь, да ты что?» Словом, исключили.

Фронт, запасной зенитный полк. И это правильно было, потому что столько набили молодежи уже, что им, да? Рыть окопы и прочее — это могли не только студенты. Словом, вот какая-то большая группа ифлийцев. И в октябре 41-го года, когда немцы подошли вплотную, мы были мобилизованы, в казарме мы были, но знали. Значит, по самолетам стрелять можно, по танку легче стрелять, танк в воздухе не летает. Вдруг человек пятнадцать-двадцать будущих зенитчиков... Кстати, оставшиеся в большинстве и стали зенитчиками, а нас — в противотанковые полки и на зенитных орудиях. Мое орудие было, кажется, «Бофорс», полуавтоматическое. Там пять снарядов небольших, 37-миллиметровых, вставляются в магазин, и стреляют. Средние танки они прошивали. Сказано здесь было, я описал этот бой, но не только я, по-моему, он был описан кем-то еще.

М. Н.: Расскажите, Василий Васильевич.

В. С.: Что тут рассказывать. Тут получилось так, что донесение было 16 или 17 ноября, это вторая стадия операции «Тайфун». Расставили мы орудия... А вы не были на последней этой, когда отмечали День Победы в этом году?

М. Н.: На площади не был.

В. С.: Не были. Я там рассказывал.

М. Н.: Расскажите.

В. С.: Или разведка у них была какая-то... Мы на краю деревни и напротив леса, откуда должны были выйти немецкие танки и за ними всегда сколько-то автоматчиков — или на них, или за ними. У нас четыре орудия, а командование батареи — комиссар батареи и два командира взвода. Не знаю, зачем они [командиры взвода], никто не знал. Потому что у противотанковых орудий, думаю, что и у зенитных, решающая фигура — командир [орудия]. Я и был командиром одного из четырех орудий. А командир взвода — двумя. Спрашивается: а ты-то зачем? Всё передают командиру роты. Смотрит его наводчик. Неразберихи-то уйма была. Как-то их разведка выявила, что в одном из домов помещаются комиссар и командиры взводов батареи. И ударом больших... Как они называются... Миномет!

М. Н.: Миномет, точно.

В. С.: Мины. Очень эффективно. Да, командир и комиссар ранены. По-моему, командир не очень сильно был ранен, и два... Моему командиру взвода пятку оторвало. Может быть, можно было воевать с такой, не знаю. Все они выбыли. Но позвонить успели в штаб полка, он стоял за три-четыре километра. Прибыли оттуда замкомандира полка и комиссар, хороший боевой комиссар Бочаров. Они командование взяли

на себя.

М. Н.: А вы где были?

В. С.: А я здесь приготовился, стрелял уже. Мы же стреляли, потому что видели, что на опушке скапливаются. Мы даже не знали, что ранено все руководство.

М. Н.: Что руководство пострадало.

В. С.: Да. Командир орудия сам видит: «Стрелять по танкам». Правда, тут очень успели эти из штаба полка...

М. Н.: Но вы в это время отстреливались, отбивались.

В. С.: Стреляли, не отстреливались, стреляли и попадали в них. Они отпрянули, видя, что тут не пройдешь. Но начинают работать минометы. Командование вывели минометами, и минометами разбили одно орудие вдребезги, разбили второе орудие. Номера, мое было второе. Налдеев был такой, ифлиец, филолог, его орудие, и к нему пополз, чтобы корректировать, замкомандира полка, который прибыл оттуда. И на глазах, видно было, он ползком, ползком... Наверное, снайпер его снял, он был убит. А Бочаров успел к нашему... Моё орудие они заклинили, разбили, но орудие было цело, хотя стрелять было из него нельзя, попал куда-то осколок мины. Они, поняв, что тут не пройдешь, тут орудие, на рожон не лезли, им это ни к чему.

Комиссар говорит: «Давайте отведем это орудие». Подъезжает машина, лес с противоположной стороны, успели его отвести. Комиссар говорит: «Отступаем к последнему орудию». Его поставили на всякий случай, потому что в командование не очень верили. Не верили, что справятся командир орудия и наводчик. Два наводчика у этого типа орудия, которое там... Было два типа орудия в этот раз. Одни «Бофорс» — такие орудия, полуавтоматические, пять снарядов, но это зенитные, поэтому один наводчик по вертикали, другой наводчик по горизонтали. Они смотрят в коллиматоры, когда попадает самолет в перекресток, то оба одновременно нажимают внизу, как это называется, не знаю, — и орудия летят частями. Правда, эффективность была не ахти какая, но все же... Вот последнее орудие, мы к нему отступили. И тут они вообразили, и по-своему правильно, что разбили все орудия. А оно как раз не было разбито, но не стреляло, потому что его поставили на всякий случай. И они уже развернутым строем вышли из леса, за ними идут два-три-четыре автоматчика. Они попали под кинжальный огонь этого орудия. Загорелись, заплясали, перебили гусеницы, и стали расползаться.

М. Н.: А вы были за этим последним оставшимся орудием?

В. С.: Нет, это не я, мое орудие было повреждено. Этим орудием командовал Плохих, а наводчик по горизонтали, она важнее по танкам, что по танкам стрелять по вертикали, вот его какая высота, а это по самолетам, да. И вот тут комиссар, конечно, открывали огонь и...

М. Н.: Так кем был один из наводчиков? Вот по горизонтали-то?

В. С.: Это Ефим Дыскин, ифлиец, экономист, парень годов восемнадцати. Собственно, он больше всего пользы принес, потому что наше орудие подбили. Они отступили, уползли, но были среди них танки не подбитые или слегка, если чуть задета гусеница... Это орудие настолько эффективным оказалось и неожиданным, потому что между другими домами тут ничего быть не может, идут напролом, осталось до него каких-нибудь сто метров. Когда поняли, что по крайней мере одно орудие не подбито, — засыпают минами. А я с расчетом, у нас что в руках — карабины давали, у артиллерии были не винтовки, а карабины, гранаты противотанковые и бутылки с этим — до сих пор не пойму, и никто не знает, никто мне не объясняет, как это появилось, — «коктейлем Молотова». Почему? Загадочно. Молотов никакого отношения не имел к войне, то есть он был министром иностранных дел, но почему «коктейль Молотова»? Коктейль — там бензин с чем-то, какая-то смесь. В один танк близко я бросил гранату, граната полкилограмма, пожалуй. Граната — это кусок тола в жестянке, но на дне есть отверстие, туда помещают запал, и держи в руке сильно. Ручку нужно держать и не отпускать вот эту самую... Я забыл название... Но бросай. Если попадешь, а это не так просто, то она рвет хорошо танк. А потом бутылкой, или раньше

бутылкой. Если бутылка попадет в бензинный бак внешний, то он загорается.

М. Н.: Вы попали, Василий Васильевич?

В. С.: Мне дал наводчик какой-то не тот запал.

М. Н.: Она не сработала?

В. С.: Она разбилась, то ли осколок попал, она у меня в руках разлетелась.

М. Н.: Но не взорвалась? Разлетелась.

В. С.: Нет, она не взрывается. Это граната взрывается. А бутылка...

М. Н.: Понятно, бутылка разлетелась.

В. С.: А бутылка разбивается на металле, на танке, и дело-то в жидкости. А жидкость не попала, попал осколок от бутылки. Если внимательно смотреть, у меня виден этот след. Но у орудия кончаются снаряды, а осколки мины... Дыскину четырнадцать осколков попало. Снаряды кончаются, комиссар командует: «Отступим в лес». Орудие уже разбили, да и стрелять нечем — в лес. В лес бежит небольшая группа, прижимаясь к земле, кругом трассирующие пули. Один танк вышел все-таки на эту улицу.

Это не для печати, но командир орудия и второй наводчик, что ли, Дыскина оставляют.

М. Н.: Оставляют?

В. С.: Бросают. Он парень довольно здоровый. И комиссар мне: «Взять раненого». Я думаю: «Как я его возьму, потому что он меня значительно...» И он, собрав, так бывает, если отрубишь петуху голову, он некоторое время бежит, вот здесь он вскочил и побежал за этой группой.

Ефим Анатольевич Дыскин

В. С.: Потом определили, да. А я его даже матом покрыл: «Так ты не ранен даже?» Я-то не знаю, потому что я сбоку со своим орудием. И он догнал эту группу. А тут кругом трассирующие. И я, как деревенский мальчик, у меня была привычка, упал тут по пути, а танк, вышедший на улицу, вдогонку мне по маленькой кузнице, которая стояла, — огонь. Да, но я догадался и упал, покатился катком. Когда из танка — что я, убит он? В катящегося и стрелять специально трудно. Словом, я докатился, но не до них, а выкатился в лес с другой стороны. Там сидит раненый, но не настолько, и сидит с ним старшина, а старшине этому (Зеленов, по-моему) комиссар сказал «Быть тебе при орудии», — моём. А он, конечно, смылся. Потом они мне говорят: «А что же ты к нам выполз, а не к этой группе, где Дыскин?» А я говорю: «Он же приказал его, а я не мог, я нагнулся, схватил, в нерешительности — это всё бесполезно, я его не вынесу». Вот такая история. До этого мы по самолетам стреляли много раз, а по танкам — вот в этот раз. Эту батарею отвели куда-то, потом повезли на переформование.

М. Н.: На переформирование, да?

В. С.: На переформирование. В Ковров, есть такой городок Владимирской области. Это уже новое, я не буду. Сейчас давайте перейдем к факультету.

Ранение в бою под Воронежем

Сталин ведь думал, что в 42-м году они снова на Москву. Это ошибка. На Москву снова нас забросили с другими орудиями, с зиловскими. Там один наводчик.

М. Н.: Лучше орудия были?

В. С.: Да, если попадешь в танк, разлетается, во всяком случае, загорается. В Юхнов, в Калужской области есть такой городок. Там мы тренировались, думали, что здесь надо будет встречать. Сам Сталин не знал. Есть такая станция Суходрев. Часто выступает переводчик по фамилии Суходрев, а это станция Суходрев. И на всю батарею одно советское орудие. Что там можно было сделать? И вот тут обнаружилось, что главный удар они наносят теперь по югу. Сталин-то ведь в докладе на 7 ноября 42-го года, что они авантюризму поддались и хотели Москву обойти снова. Всего этого не было. А на Кавказ, а по дороге... Это тоже их ошибка. Сталин много ошибок сделал, Гитлер сделал, может, не больше. И нас, мы не знали, что это, за Воронеж, защищали Воронеж. Там стреляли хорошо. Танки их, если попадешь, разлетаются хорошо.

Как всегда, отличная работа минометами, а у нас нет минометов никаких, не было почему-то, потом появилось. А минометы, мины, их осколки. И уже на следующий день меняли позицию, вот по пути к Сталинграду, но ближе к Воронежу, там в 30-й армии Черняховского. Под Москвой были в 16-й армии Рокоссовского, а здесь уже в другой армии, естественно. Когда меняли позицию, опять минометный налет. Как всегда, ложатся люди. Хорошо вот в первый раз, когда были на окраине Воронежа при обстреле минометов, у них ведь такая траектория — за дома, и мина рвется достаточно далеко. А здесь, как нарочно, я лег — и осколок мины влетел вот сюда.

М. Н.: В правое бедро?

В. С.: Да. Я сначала не почувствовал: такой удар, как бревном вас бьют изо всей силы, а потом проявляется. И ранение вроде неприятное, тяжелое, но оказалось удачным, потому что осколок большой влетел с куском шинели. Это был уже август, июль. Я еще просил комиссара оставить меня в полку. «Куда тебя оставлять?» Словом, отправили в медсанбат. Мне двадцать два года, и только этим я объясняю, что у меня не началась гангрена. Ведь был кусок шинели, а пыль кругом, осколок сидел в ноге. Я уж не говорю, я вот говорил на этой...

М. Н.: Понятно, на площади.

В. С.: Вот последний раз когда выступал, потому что все так описывают, да я и сказал: «Когда стреляли

по танкам, они отступали, прибыло подкрепление, где-то разбили, разобрали вагон с портвейном, и по окопам много бутылок дошло и до нас.

М. Н.: Это когда было?

В. С.: В этот раз-то как раз.

М. Н.: Когда вас ранило?

В. С.: До ранения, конечно. И немцы были пьяные. Я сказал это, но в бою, когда стреляли, не опьянеешь особенно — напряжение, а для куражу неплохо. Словом, привезли меня за Волгу.

М. Н.: Вас быстро прооперировали? Быстро осколок вытащили?

В. С.: Нет, не очень быстро.

М. Н.: Долго осколок в ноге был?

В. С.: Вот то-то и оно-то. Осколок, да с куском шинели. Начала краснеть нога.

М. Н.: Опухать. Это было лето?

В. С.: Конечно, это был конец июля — начало августа. Хирург разрезал, вынул и говорит: «Тебя спасло вот что. Кость бы у тебя была разбита, и ты бы захромал. А тут осколок самортизировал», — кусок шинели большой он мне показал, кусок шинели самортизировал осколок мины. Я пролежал месяца три-четыре в госпитале.

М. Н.: То есть до поздней осени, до зимы?

Возвращение на философский факультет

В. С.: Считайте, да, так получается: конец августа уже и сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. К самому началу 43-го года я прибыл с костылем. Дали мне временно нестроевую. И я вернулся на факультет. Здесь кто-то уехал в Ашхабад, кто-то в Свердловск, и там была часть университета, а в Москве осталось человек двенадцать-пятнадцать студентов. Я говорю: «Как же это вы?» — «А что делать? Все равно». Они пережили эту панику 16 октября. Теперь обнаруживается, что именно тогда немцы могли взять Москву, то есть 16 октября. Два-три мотоцикла прорвались ведь в Химки уже. Но сумели тут, скомандовали: танк летел по всей Москве и ликвидировал. Нагло, как вы говорили. Это в городе... Но они тоже завирались.

Да, так вот университет. Меня сразу на пятый курс готовить то, что недосдано, а потом госэкзамены. Не было диплома, а госэкзамены были. Это пять предметов: история партии, политэкономия, история философии... Что еще? Пять предметов нужно было сдать, но на это уже вот так смотрели, сквозь пальцы: что с фронтовиков взять.

М. Н.: Значит, это был 44-й год?

В. С.: Нет, это был 43-й.

М. Н.: Еще 43-й, зимой?

В. С.: Это было зимой.

М. Н.: В Москве, Василий Васильевич?

В. С.: В Москве, конечно. Я из Москвы мобилизовался, и у меня в билете военном написано, откуда мобилизован. Кого же я встретил... Декан, а декан был другой, я его не знал. Он из аспирантов, Андреев такой. С трудом, но он меня перевел: «Все равно ты на историческом учился, тебе предметы эти засчитаны, а вот это и это сдашь, сдашь еще госэкзамен». Так и получилось.

- М. Н.: И закончили за философский?
- **В. С.:** Философский я закончил в единственном числе, хотя до меня уже был кое-кто, кто в Подмосковье еще раньше был ранен. Знаю, Яхот уехал в Израиль, там написал...
- М. Н.: Еще раз фамилию его?
- В. С.: Яхот Овший. Сенин другой. Они какие-то легкие ранения получили в руки, прострелена рука, но демобилизовали. Потом еще там они смотрели: не окончил факультет, студент пятого курса отпускали. Здесь я поступил в аспирантуру в порядке нестроевого. Ну, вызывали, сборы, да. И диссертацию я защитил в июне 46-го года.
- М. Н.: У кого? Кто оппонентом вашим был, Василий Васильевич? Расскажите.

Судьба Григория Андреева

В. С.: Сейчас я вам тут уже гораздо более интересное скажу. Решающей кафедрой была кафедра диалектического и исторического материализма. Была кафедра истории философии, остатки ее. Чернышёв Борис Степанович, там его портрет есть, первый заведующий... То есть фактически организовал Александров, Александрову не до этого, он в ЦК, у них работа напряженная была по-своему: туда поедут, сюда, туда. Маленков даже в Сталинград зачем-то ездил, не знаю, что он мог там делать. Маленков, конечно, фигура, член Политбюро.

Вот Андреев, он меня перевел, закончил я при нем факультет. Его почему-то отправили в Лондон атташе, а деканом стал Чернышёв временно, потом Кутасов. Был такой доцент Кутасов, очень хорошо читал лекции, малообразованный, но мужик, как говорят, хороший. Да, но это не сразу, сначала Чернышёв. А Андреева через год вызывают из Лондона. И он рассказывал нам здесь: «И приглашает меня Деканозов — это один из команды Берия, но он был тут одновременно и заместителем Молотова, — вызывает, какието выясняет отношения, что в Лондоне, там же посольство. Вроде удовлетворен был Деканозов (вместе с Берией его потом расстреляли, это уж Хрущёв). Спускаюсь, внизу ко мне подходит в форме или даже без формы энкаведист и говорит: "Мы сначала давайте спустимся, пройдем в соседнее здание"». Вы знаете, где был МИД, Министерство иностранных дел? До того, как на Смоленской стал? Не знаете?

М. Н.: Это рассказывал Андреев, да?

В. С.: Я об этом министерстве тоже знал. Да, что Андреев сказал. Из этого здания, где сейчас остался памятник Воровскому. На Кузнецком Мосту в глубине там памятник Воровскому, убитому белогвардейцем Конради, по-моему, то ли в Швейцарии, то ли в Польше. Но это несущественно. «И вот, — говорит, — ведет меня по подземному переходу в здание НКВД». И вот сразу завели, сразу какие-то обвинения. Потом он: «Позвольте, что же вы меня привели, где же у вас ордер на арест?» — «Не беспокойтесь, будет, будет». Словом, ему дали, как тогда выражались, четвертак. За что, не знаю. Он мне говорил, — не знаю, насколько верно это, тоже история, — что Берия и Маленков охотились почему-то... Группы Щербаков и Рокоссовский. Щербаков огромную роль сыграл в обороне Москвы, начальник Политуправления*, все сводки у него и прочее. Это был очень сильный работник. Мне рассказывали, что Хрущёв — тьфу по сравнению с ним. Он умер на следующий день после победы, он был сердечник. А если бы он не умер, то ход Хрущёву в Москву был бы заказан, потому что он был секретарь, и секретарь более сильный, чем Хрущёв. Да, вот так Андреев.

Алексей Лосев и Павел Попов

Защита, она интересная. Значит, состав факультета. Здесь я встретил двух профессоров, о которых никогда

^{*} В июле 1942 года Александр Сергеевич Щербаков был назначен начальником Главного политуправления Красной Армии.

не слышал. Один — Лосев Алексей Федорович, другой — Попов Павел Сергеевич. Лосев — это фигура тогда известная узкому кругу. Он ведь человек со старым образованием.

М. Н.: Расскажите, Василий Васильевич.

В. С.: Пожалуйста. Кончил, как и Попов, Московский университет в 15-м году. И Лосева послали на стажировку в Германию, поехал, но долго не... Это был 14-й год, он только что окончил. Началась Первая мировая война. Его послали в Россию, как положено, вернули в Россию. Но здесь он и Попов были близки к церковным кругам. Их, особенно Лосева, вдохновитель — Флоренский. И Лосев — очень «писучий». Видели вы его книги? Как говорил Асмус, кирпичи. И к одному из кирпичей, может, даже по мифологии он добавил «Диалектика мифологии»* без разрешения Главлита. Может, не знал, потому что времена такие. В общем, его взяли. Взяли и Попова — к церковным кругам близкий.

М. Н.: В каком году?

В. С.: 30-й год. Но Попов не таким простым оказался. Дело в том, что он был женат на внучке Толстого, Анне Ильиничне. Анна Ильинична ворвалась ... Тогда были простые времена. Скажем, это уже в 36-м году — попал так попал, а в 30-м, 31-м — это еще по последующим временам...

М. Н.: Еще либеральное время.

В. С.: Еще либерально. Ворвалась, скандал устроила, и не поднялась рука на внучку Толстого, его отпустили. А Алексей Федорович писанул вот в этой, без нужды... Это вам нужно найти такой «Источник» президентский, годов пятнадцать-двадцать назад вышел, где были опубликованы многие допросы в НКВД, тогда было НКВД, КГБ стало при Хрущёве, нет, а тогда было ГПУ. А ГПУ в 34-м году перестроили в НКВД. ЧК, а потом ГПУ возглавлял Дзержинский. После его смерти Менжинский, а после смерти Менжинского — Ягода. Значит, этот труд Алексея Федоровича, а он человек холерического темперамента...

М. Н.: Так за что же его взяли? За то, что приписал слово «диалектика»?

В. С.: За то, что было в «Диалектике». Там было много всего такого, там было прославление монахов, там было по платоновскому «Государству» написано, что вот это быдло сейчас, что история — это история борьбы бога с дьяволом. Вот такие сюжеты.

М. Н.: А быдло — это кто? Вы сказали, «быдло» он писал что сейчас.

В. С.: А быдло — рабоче-крестьянская власть.

М. Н.: И он так относился? Он был довольно высокомерный?

В. С.: Он ее презирал.

М. Н.: Презирал, да? Он высокомерный был человек в этом смысле?

В. С.: Вообще-то так, в славе нет, если все рассказывать, но тогда ведь это же были все-таки 30-е годы, колхозы, аресты, и тогда они были не такие, как при Ежове, но они были. И всё это он выразил в своей работе «Дополнения к диалектике мифологии»*. Была «Диалектика мифологии» отдельно.

М. Н.: Как все-таки работа называлась?

В. С.: «Дополнения к диалектике мифологии». Там он развернулся, показал. Причем он был активный тайный монах, оказывается. Это после выяснилось. Тайный монах какой-то есть. Он с женой, с Валентиной Михайловной Соколовой, постригся в монахи. Есть какая-то такая функция, что можно и семейной паре постричься. Он уже к этому времени писал. Разумеется, они были все с древними языками. И эта

^{*} Работа А. Ф. Лосева называется «Диалектика мифа».

^{* «}Дополнения к диалектике мифа»

его писанина попала в ГПУ. Герасимова, сестра режиссера, чтобы замять, сказала, что это она написала. Это она между нами рассказывала. Писал он, вот такое. Потому что если это 36-й год, здесь разговаривать не стали... Но все равно было дело имяславцев, и он к нему принадлежал, к имяславцам. Я вам даже не могу объяснить этой богословской доктрины. Причем они были против патриарха Тихона, что слишком примиренчески к советской власти относится.

В. М. Лосева-Соколова и А. Ф. Лосев в лагере на Беломорканале. 1933. Источник фото: www.peremeny.ru

Вот нам Каганович на XVI съезде, июнь 30-го года, сказал, что вот какие у нас есть авторы. Каганович сказал, наверное, между прочим, потому что у него был доклад совсем на другую тему, попутно задел. А другой член, партиец, драматург Киршон, неплохой драматург вроде (не знаю, ничего не смотрел его, я еще молод был), он сказал: «Вот мы берем произведение Лосева, смотрим, что там много антисоветских высказываний и прочее. Приходим в Главлит: "Почему вы пропустили такие высказывания, откровения". Они говорят: "Какие же это антисоветские, это же философские оттенки, потому что у него диалектика". По-нашему, за такие оттенки не мешает ставить к стенке». Через восемь лет Киршона и поставили к стенке, но не одного. А Лосеву дали десять лет и отправили на Беломорканал. Он там сторожил сараи, а так ведь работа не для него, и глаза плохие были, а там он их совсем испортил. Он почти уже и не видел, он и не писал, он диктовал. Вот так бывает. Его спас, можно сказать, Горький. Только не сам Горький. Горький прочитал, ему Ягода, что ли, передал эти материалы...

М. Н.: Материалы по делу Лосева?

В. С.: Да.

М. Н.: И имяславцев?

В. С.: Главным образом по делу Лосева, может, там еще что-то было. Но Горький — просветитель, считает, что вот всё это, такие высказывания, хотя и к церкви тянут... Ну, Горький не говорил «контрреволюционер», он же сам, как известно, был беспартийным. Сталин ждал от него биографию, он ее так и не написал. С Лениным он был ведь вот так — Ленин его выслал, по существу. А что он писал в 17-м году в своей «Новой жизни»*: «Ленин эксплуатирует отсталость российского пролетариата». И другие вещи, да. Ну, и написал две статьи о Лосеве, разгромные такие, но литературно, он все-таки писатель был незаурядный...

М. Н.: Кто написал статьи?

В. С.: Горький, Максим Алексеевич. Да, и вот из этих его публикаций его венчанная и юридическая жена, с которой он уже много лет расстался, Андреева у него, потом баронесса Будберг, так называемая баронесса... И из этих статей Екатерина Павловна Пешкова (она носила его фамилию, и жена была, он же не разводился с ней, да и венчанная жена, это же до революции все это было): «Ах, вот тут какое! Вот кого обидели!» А она была председателем Российского Красного креста. Это была в те времена значительная должность. И ей удалось Лосева освободить, с него даже сняли судимость.

Возвращение опальных профессоров после речи Сталина

И вот он появился снова в Москве, правда дом, где они жили, разбомбили в 41-м году. К этому времени уже прошло... Это было в 32-м году, в 33-м, а это уже 41-й год. Ну, как-то жили, он пытался диссертацию защищать, но тогда крайне мало диссертаций защищали, это было нелегко, да и партийные органы вмешивались. Словом, он диссертацию не защитил, но был и считался профессором, ездил то в Нижний (потом стал Горький), то в Харьков. Были у него и друзья, разумеется, академик украинский Белецкий. Белецкий другой, я скажу потом, в чем дело. Так бы он и существовал, кое-как работал бы. Но в 41-м году — это знаменитый парад красноармейцев, которые с парада шли на фронт. Дело в данном случае не столько в параде, сколько в речи Сталина на этом параде. Речь Сталина уже была такой речью, как бы сказать, русского патриотизма. Тут уж, конечно, он забыл, наверное, волосы рвал, что он не так давно слал телеграмму поздравительную Гитлеру. И Александров сообразил: «Ага, значит, политика несколько меняется, теперь мы враги Германии, патриоты России». Ведь кого там перечислил Сталин — полководцев, начиная с Александра Невского, писателей. Александров, в отличие от других, все-таки каким-то краем был близок к истории, но не только был, читал ее, читал историю философии. Он был первый, кто защитил докторскую диссертацию публично по Аристотелю. Другое дело, какая диссертация, хорошей не могла быть, догматическая диссертация.

^{*} В 1917–1918 гг. в ««Новая жизнь» (меньшевистская газета)» была опубликована серия публицистических статей Горького «Несвоевременные мысли».

24-я годовщина Октябрьской революции. На трибуне Мавзолея (слева направо): Вячеслав Молотов, Семен Буденный, Лаврентий Берия, Иосиф Сталин, Георгий Маленков, Анастас Микоян. 7 ноября 1941. Автор фото Аркадий Шайхет. Источник фото: www.russiainphoto.ru

М. Н.: Языки он знал? Древнегреческий он знал?

В. С.: Он не мог знать. Он говорил, что его год учил Кубицкий, а Кубицкий — это переводчик «Метафизики», и он его чему-то поучил, но не думаю, что он... Греческий нужно учить с детства или, во всяком случае, со студенческих времен. Этого у него не было и не могло быть. Но все-таки что-то было. Он понимал в отличие от того же Митина, который этого не знал, да и вообще какой-никакой он историк философии. И вот Александров: «Ага, вот какая политика». Тут маленькая оттепель произошла после этой речи Сталина. Оттепель выразилась, собственно, не в какой-то открытой концепции, а в пьесе. Была такая пьеса Корнейчука «Фронт». На тему дня. Ведь ждали-то, ведь убедили советский народ, что мы быстро справимся, малой кровью, на вражьей земле. Вы «Трактористы» смотрели? «Броня крепка...», «первый маршал в бой нас поведет»... А война пошла, как говорят, с точностью до наоборот. 41-й год, 42-й год. И высказывание Сталина: «Доверился конникам». Тимошенко, Буденный, другие там были, тоже конники. Они близки были к Сталину, они в 18-м году со Сталиным сошлись. Командовал-то Троцкий, и Сталина он не терпел. Сталин в революции роли большой не играл, решающую роль сыграли Ленин и Троцкий, и прочие.

Александров сообщает мнение, а он был уже фигурой. Член Оргбюро ЦК — это фигура, он мог решать вопросы. Через Тараканова он передает пригласить старых профессоров русских, кончавших Московский университет: Лосева, Попова. И их пригласили. Более того, мнение другое передал: организовать Лосеву защиту на доктора философских наук. Лосев не мог до войны, да и были ли защиты какие, как-то я не осведомлен. Но здесь единственный случай в истории Московского университета, чтобы присвоили

степень доктора без защиты. Трудов у него было много уже наляпано. «Наляпано» — не то слово употребил, во всяком случае, вы знаете, одно дело, когда пишет автор, другое дело, когда он диктует, он с необходимостью расползается. Откуда у Лосева такие толстенные труды. Но совет философского факультета правильно сообразил. Чернышёв, кажется, Гагарин, они говорили, что неудобно философских: «У него было политическое дело, он сидел, его реабилитировали, но все-таки как это? Это все неправильно. Давайте доктора филологических ему» (усмехается). Это только тогда было возможно, без защиты — и доктор филологических наук. Какое отношение он имел к философскому факультету. То есть он-то работал, но причем здесь филологический? Но так или иначе, ему звание было присвоено.

А. Ф. Лосев в своем кабинете на Арбате. Источник фото: www.novayagazeta.ru

Философские дискуссии середины 1940-х годов

Тут заведующим кафедрой был такой икапист Зиновий Яковлевич Белецкий.

М. Н.: Икапист — это?

В. С.: Из ИКП, из Института красной профессуры. Но по образованию он врач. Не знаю, каким он был врачом, а тут это был вульгаризатор такой. С Шулятиковым мы его сравнивали, был такой вульгаризатор до революции, которого даже Ленин... Ну, классическая философия, Декарт и другие как мировоззрение буржуазии. Что-то подобное был и Белецкий. Особенно ничего он и не знал, но он ненавидел этого Александрова.

Тут еще вот что произошло. В Институте философии начали до войны, и должны были продолжать в войну, публиковать самую солидную в советское время, с сугубо марксистских, разумеется, позиций «Историю философии». Первый том — «Античность и Средневековье», второй том — «Возрождение. Просвещение», третий том — немецкая философия и другие западные философы, но середины XIX века.

Они сами еще — 43-й год только, начало XX века, да? Сейчас мы можем улыбаться этому, но тогда писать иначе было невозможно. И по этим трем томам студенты историю философии на факультете изучали и сдавали очень долго. И за это в 43-м году — Сталин еще, ему было не до того, он же в Штабекак-никак, — присвоили авторам Сталинскую премию, не всем, подобрали семь человек, в том числе редакторы: Александров, Митин, Юдин и Быховский, который больше всех сделал и фактически организовал это издание. Мне потом рассказывали, что Быховского и Асмуса, одного из авторов этой книги, выдвинули в члены-корреспонденты Академии наук в 43-м году. Говорил мне Трахтенберг, мой руководитель.

М. Н.: Кто говорил?

В. С.: Я вот скажу. Значит, Чернышёв, он один из авторов и был в группе Асмуса–Быховского. Трахтенберг не так близок был к ним. Это был профессор, окончивший Санкт-Петербургский университет по кафедре философии права. Но здесь были свои... Он попадал в деникинские войска, в 19-м году он оказался на юге, его мобилизовали, переживал он это. Он мне и рассказывал, что выдвинули их в членкоры, а Быховского даже поздравил один из академиков, кажется, Пичета. Развели руками, прошел Максимов такой, никто его не выдвигал, такой был вульгаризатор, физик по образованию. И вот Белецкий... Он работал и в Институте философии, девять лет был секретарем парткома, и здесь немного. Но там он написал...

М. Н.: Так Белецкий стал членом-корреспондентом? Нет?

В. С.: Нет. Философы выдвинули в члены-корреспонденты на отделение Асмуса и Быховского. Но в ЦК, они же еще — кто такой Быховский? Он когда-то к троцкизму смолоду прислонялся. А Асмус тоже, его прислоняли к меньшевиствующему идеализму, который били Деборин и его правая и левая рука, то есть Карев и Стэн. Эти руки у него отрубили — их расстреляли. Стэн был такой, мне рассказывала его вдова, которая вернулась из ссылки и пришла к Асмусу, восемнадцать лет провела. На Митина статью написал Ян Стэн, муж ее, а подписался Митин. Асмус ей сказал, к кому обратиться. Она мне много рассказала. Я с ней познакомился, пошли мы к Софье Лозофей, и она мне сказала, что Ян Стэн говорил, он в ИКП преподавал, латыш, кажется, говорил ей и явно другим: «Эта рябая сука» — Сталин был с рябинами. Киров мне говорил, что Юрий Константинович был рябой, как тёрка. Ну, это детали. Стэн говорил: «Эта рябая сука устроит нам дело Дрейфуса и процесс Бейлиса». Тот — во Франции, этот — у нас. Конечно, это все было известно Сталину. Сталин его приглашал, когда писал о диалектическом и историческом материализме главку в «Краткую историю ВКП (б)», приглашал, но было видно: а для чего это нужно? Он был политик, ему было на все наплевать.

Так вот Белецкий, который там работал и здесь, написал большой, я его не читал, разумеется, труд, опус, в котором фашизм выводил от Гегеля, от Фихте, от других немецких философов.

М. Н.: Соответственно, Ницше и так далее.

В. С.: К Ницше-то да, но это было бы основанием. Белецкий вряд ли и знал, он говорил о тех...

М. Н.: Вряд ли знал о Ницше?

В. С.: Они не успели. Ведь три тома, а они думали семь томов. Во-первых, там был бы Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин в одном томе, русская философия — в другом, а буржуазная, вот последних этих, в том числе Ницше, была бы тоже, но до этого не дошло. Но Белецкий тут явную ахинею относительно... Я вам как молодому человеку скажу, ведь Фихте в молодости был страстный поклонник Французской революции, якобинцев. Но когда Наполеон разбил Пруссию и оккупировал ее, Пруссию и даже всю Германию, то Фихте ведь выступил с речами к немецкой нации в 1808 году, в которых сказал, что же французы, а что немцы — без культуры? И прочее. Немецкую культуру поднимал. Правильно, как и мы действовали. Почему Сталин вспомнил аж Александра Невского, Дмитрия Донского и писателей. Он их раньше так отнюдь не вспоминал, потому что немцы оккупировали, они свою культуру считали высшей. А здесь...

М. Н.: Нужно было обратиться не только к новой культуре, но и к тысячелетней культуре. Попытаться

найти какие-то бессознательные силы, опереться на них.

В. С.: Но здесь политика, здесь доносы. И вот он туда. А Сталин: «Ага, Фихте, классическая философия». Энгельс писал «Людвиг Фейербах и конец классической философии». Словом, вызвал Александрова, и этот труд Белецкого не только не приняли, а говорили, что это безобразие, позор, что классики марксизма это правильно. Они все высказывания классиков марксизма привели, она была безупречна в этом отношении. Да ведь без Гегеля и Маркса с Энгельсом бы не было. Сталин-то это знал, это хоть он знал. Александров говорит: «Ведь что же Белецкий делает!» Его изгнали из Института философии, и он здесь стал только заведовать кафедрой диамата-истмата, а она центральная, определяющая, никаких еще пока не было. Да, была еще кафедра истории философии — всё. Александров говорит: «Что же Белецкий ревизует марксизм? Три источника и три составных части марксизма, как у Ленина: немецкая классическая философия, английская политическая экономия, французский утопический социализм». — «Да, конэшно, это правэльно, но у него нюх» (изображает произношение Сталина), — у Белецкого. А нюх-то, в общем, был, вот тут кое-что можно. Он особенно и не знал, но вот, скажем, позиция Фихте: слово за немецкую нацию, за немецкую культуру. Она действительно была, не уступала французской, скажем так, примерно. Гитлер говорил, что английская и немецкая — одна культура. Это он, конечно, глупость говорил. Значит, культура же... Чем немцы, в частности, отличаются? Колоссальная музыка, а в Англии композиторов своих ведь нет совсем. К примеру, Гайдн — это кого они пригласили из немцев. Ладно, я отвлекся.

Значит, Белецкий. «Обсудить эти три тома». Обсуждают на секретариате ЦК. Быховский, Асмус, Чернышёв показывают невежество Белецкого. Маленков, Щербаков знают, откуда ветер дует, и какой! Раз Сталин — будут они... И не знали они, конечно, толком философию. Словом, выносят решение, по-моему, что немецкая философия классическая — это аристократическая реакция на Французскую революцию. Надумано вообще, какая-то ерунда. Но он был политик, всё у него сводилось к тому, что нам отсюда, так сказать, светит. И сняли Сталинскую премию с третьего тома — смешно. Хоть там не только немецкая философия, там половина — европейская философия XIX века. Но им плевать. Вот есть здесь, выносят решение, снимают Митина, псевдоредактора, с директорства ИМЛ*, снимают Юдина, директора Института философии. Александров уцелел. И вот в этой суматохе появляется кафедра русской философии. Нигде в мире, во всяком случае, в Европе — Индию и Китай нужно оставить в стороне — нет кафедры национальной философии. Поляки, у них прекрасная история философии, но в конце, скажем, Кант, кантианство в Польше — это кантианство, а у нас вообще нет.

И пошла вот тут одна... С одной стороны, философский факультет стал набирать другую силу. Вот молодежь пришла фронтовая, не очень довольная этими догматическими произведениями Маркса и Энгельса, в особенности, конечно, Ленина и Сталина, но обязаны были их изучать, преподавать. Всетаки в этой ситуации Белецкий взял верх, стал лекции читать о Гегеле. Бог знает что, но ничего не поделаешь, Сталин одобрил. Правда, он не одобрял прямо, а вот... Кстати, после смерти Сталина этому третьему тому вернули премию, но уже не Сталинскую, а Государственную премию, всем трем. Смех, можно комедии писать на эту тему.

О кризисе советского гуманитарного образования

М. Н.: Василий Васильевич, почему такие комедии происходили в гуманитарной сфере? Что с фундаментальным гуманитарным образованием не так было?

В. С.: Ведь такой переворот, какой организовали Ленин, Троцкий и большевики, трудно с чем сравнить. Атеизм, но всякий был атеизм, но террористический атеизм Сталина и Ленина, массовый расстрел священников сплошь и рядом, потом уже Сталин развернулся. Концлагеря и прочее. Словом, русская история многое объясняет, но тут не только... Больше взять, понимаете ли, война мировая, известно, что средства на революцию давал немецкий Генштаб. Германия терпела поражение, и преодолеть западный фронт — Англию, Францию, а тут сами американцы появились — им было уже невозможно, хотя

^{*} ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма.

они всю Европу возглавляли, и Турция была с ними, даже Болгария. Только Россия не объявила войну Болгарии, а так она... Сербов она очень любила.

М. Н.: Василий Васильевич, почему такой страшный удар был нанесен по гуманитарному образованию? Его перестройка, фундаментальная идеологизация убила же его практически.

В. С.: По гуманитарному, нет, всё это просто. По гуманитарному потому, что в сущности у Маркса и Энгельса так называемый научный социализм отменял всю другую философию, кроме немецкой, и то в немецкой Гегель в основном. Уж если для вас, я могу сказать, (усмехается) какие они были. Вот у меня книги, в большой уже это есть. Маркс был антисемит, даже Гитлер его цитировал. Даже сам Маркс, еврей, крещеный во втором поколении, антисемит. А Энгельс — немецкий националист. Так что славяне — да что такой за народ? И безнадежная культура. Они на чехов особенно ссылались: чехи — что же, особый народ, что ли?

М. Н.: Немцы-националисты к чехам всегда презрительно относились.

В. С.: Видите ли, так, конечно, не было, но это была не Чехия, а Богемия и Моравия.

М. Н.: Так точно.

В. С.: Она входила в Австрийскую империю. Понимаете, а что касается России, здесь революционное движение очень развилось, и Ленин сказал довольно рано вроде: «Чернышевский меня перепахал». Чернышевский очень слабый философ, его труд о Фейербахе — такое слабое произведение. Роман его «Что делать?» (Ленин взял название к своей книге) читать невозможно, липовый он писатель. Но революционер.

А для революции были основания, у них были. Сами дворяне стыдились: «Откуда это? Что же мы своих поработили, порабощаем?»

Может быть, у нас и преувеличивают, что уж очень плохо жили крепостные, по-разному. Словом, тут вот это и Первая мировая война. И Германия, именно немцы, Германия сообразила, что России не надо, она стала так развиваться до 14-го года. После поражения в японской войне Россия стала так развиваться, что ждать не следует, она вот поднимется и так далее. Бисмарк против был, потому что с Россией лучше не воевать, ее все равно не победишь. А наши, а вот одна из... У нас сейчас, отмечая эти годовщины победы, помалкивают о том, что предполагалось. Как мы партию и ее теорию прославляли, теперь перестали прославлять, что вот строй такой — социализм, рабочие других стран нас будут поддерживать. Всё это оказалось, в общем-то... Нет, многое помогло. Потому что ГДР кто организовал? Организовали марксисты, конечно. Сталин всё это сделал. Как сказать, они тоже...

М. Н.: Немного не в том месте.

В. С.: Неправильно. В ГДР не все были довольны, когда ГДР соединили с этим. Так что тут ряд факторов. Главное, вот это все-таки, что же вы хотите... Правда, сейчас тоже правильно говорят: «Что же вы ругаете, поносите коммунистов, а они за семьдесят лет, и даже меньше, сделали Россию, почти неграмотную, грамотной Россией». Это не такая культура уж, но все же. Поголовная грамотность выросла, да. Даже на старых кадрах. Вот все эти Крыловы, был такой академик, авиаторы ведь сколько — Туполев и друг его Сикорский, которого упустили, он не хотел, и многие другие, которые так... Капица... Ой, господи, не хочу сейчас их перечислять, вы их знаете, столько они сделали для Советского Союза, для страны. Ничего подобного пока нет вот у этого нашего поколения.

М. Н.: У нового времени? У нынешнего?

В. С.: Сейчас, да. Есть Перельман порядочный, не только, есть еще двое, получили Нобелевские премии, но возвращаться не хотят, а зачем?

- **М. Н.:** Успехи советского времени в естественных науках неоспоримы, это понятно, но вот что произошло с гуманитарным знанием?
- В. С.: А с гуманитарным все просто.
- **М. Н.:** Аристократичность гуманитарного знания, глубина гуманитарного знания, гуманитарного образования, они ведь значительно изменились.
- В. С.: Значит, во-первых, не забрасывали. Кое-кого отвергали, и преследовали, и ликвидировали. Скажем, Есенина, неясно с Маяковским, но литературу преподавали. Но Достоевский даже это не наш, Ленин его терпеть не мог, потому что все это клевета на революционеров. А это не клевета как раз. Тут трудно сказать. Смотрите, в 28-м году правительство вынесло решение столетие рождения...
- **М. Н.:** «Бесы» злобные не понравились Ленину.
- В. С.: Столетие Толстого издать полное собрание сочинений. Восемьдесят томов, по-моему, если не больше теперь. Да, вот издали. Так что тут не так просто. Но грамотность в народе. Ведь большевики просветители при всем их бандитизме, при этих лагерях. А лагеря некому было работать, то есть работать... Ведь что такое контрреволюционеры? Все приписывались. Их брали, потому что пускай работают. Ну, работали. Поэтому сказать, что они... А раздавили культуру, философию... Философию, потому что есть философия, хоть это идеология, это не одно и то же. В идеологии есть элементы философии, без этого она быть не может. Да, это с самого начала, с Французской революции, этот термин грекоязычный появился в 1801 году, но это все-таки упрощение философии.

Сначала философию вообще думали ликвидировать как предмет. Вот тут догматизм очень. Раз есть научный социализм, трансформирующийся, развивающийся к коммунизму, то какая нам нужна еще философия, зачем она? Были статьи в 20-е годы: «Философию за борт!», правда, были статьи и «Пушкина за борт!» Но это все крайности, конечно, расправиться с Пушкиным, а с философией...

Кафедра истории русской философии

Так вот. Организовали кафедру истории русской философии во главе с Иовчуком. Иовчука вышибли из ЦК в Белоруссию. Заведовать стал Щипанов. Прекрасная память, но догматик такой, ничего он не понимал. И потом они знали тексты только. Какую философию они тридцать с лишним лет преподавали?

- **М. Н.:** Так надо было решить, что такое русская философия еще. Им нужно было принять решение, сделать подборку авторов.
- **В. С.:** Какое решение принимать, зачем? У них с Ломоносова, потом Радищев, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев вот их и вдалбливали.
- М. Н.: Вот я и говорю, надо было выбрать, сделать ее.
- **В. С.:** Вдалбливали, хотя уже наше поколение, даже чуть моложе поколение, бунты были с Щипановым, и появились из соцстран. Некоторые мне говорили: «Василий Васильевич, до чего же надоело. Какая это философия?»
- М. Н.: Это вам говорили те, кто в соцстранах слушали?
- В. С.: Из соцстран.
- М. Н.: Слушал курсы по русской философии?
- В. С.: Естественно. Да и сами наши.
- **М. Н.:** И наши.

В. С.: И наши сами, да. С Щипановым так воевали, чуть не сбросили его, но у них связи в аппарате. Конечно, проработки, вот этот догматизм. Я так воображаю, что Шостаковича избили за «Леди Макбет Мценского уезда». Прекрасная музыка, сильная музыка. Ему поручали, оказывается, но он испугался и не стал, написать оперу «Тихий дон». Вот это материал, вот это была бы опера, потому что с такой... Не мне судить, в музыке я не очень разбираюсь. Но умершая недавно Вишневская, со своим мужем покойным, но не только она, говорила, что Шостакович — это величайший композитор XX века. Насколько это верно, трудно сказать, не мне судить. Не знаю, насколько вы увлечены музыкой.

М. Н.: Если бы даже был, то не мог судить все равно.

В. С.: В Штатах во время войны, блокады Ленинграда, которая длилась вон сколько, дней триста* с чем-то, а Шостакович написал симфонии и оратории, в Штатах эти оратории непрерывно исполняли, потому что они... Это вот сейчас, что говорить о сейчас, это политика, да. А тогда они конечно, говорили, что коммунизм — ни к чему. Но Гитлер им был страшнее, потому что он всю Европу мобилизовал, а если бы он завоевал еще Россию, хотя бы добил, был такой вариант, то у него все было бы: сырье и прочее. И наука там была посильнее американской, да и английской. Посильнее, но вот бомбу... Неясно тоже, насколько немцы продвинулись по бомбе, но наука-то мощная. Вы говорите, что вот у нас... А Гитлер тоже культуру свою принизил, да и науку. Разбежались же ученые лучшие, многие.

М. Н.: Многие, многие.

В. С.: Остался кое-кто. Причем в Германии условия лучше для науки. Смотрите, они ее уполовинили по мирному договору, и это Сталин добился, кстати. Это моя, так сказать, мысль, как бы отмывал совесть за Катынь. Черчилль бешено сопротивлялся в Потсдаме, когда речь шла о границах Польши: да разве можно так далеко продвигать? Сталин добился, чего он... Мы-то взяли, в сущности, я вот считаю, правильно взяли то, что полякам не принадлежало, во всяком случае, они ведь тоже захватили Западную Украину, Западную Белоруссию, да, и тут Сталин... Но это Сталин и стал говорить в войну уже, когда упрекать стали они тоже, что «вот вы Гитлеру помогли».

Кстати, к вопросу о моем дневнике в некоем роде, когда в 56-м в Польше началось примерно то, что в Венгрии начиналось, но Гомулка, который был арестован, а после смерти Сталина выпущен, и встретилось руководство: Хрущёв уже, Молотов и другие. Молотов, не знаю, спор или что, какие-то претензии друг к другу, к Гомулке. А он говорит: «Товарищ Молотов, ведь вы в ваших речах утверждали, что Польша как государство не должно существовать», — осадил его вот так, да. И я думаю, что Молотов после Сталина долго считался вторым лицом. Хотя Сталин его заставил вот все эти заявления, но говорилто он, проводил он.

(Перерыв в записи)

В. С.: Несмотря на контроль партийных органов, на догматизм, что называется, жизнь брала своё, научная жизнь, гуманитарная жизнь, философская тоже...

М. Н.: То есть мысль брала своё...

В. С.: Вот в письме Белецкого Сталину было, в частности, сказано, что тут работают троцкист Быховский (правда он у нас не работал, но третий том, все три тома), меньшевиствующий идеалист Асмус (его прислоняли) и мистик Лосев. И вот тогда тут Сталин уж, хотя ему плевать и на философию, сняли премию...

М. Н.: Сталину плевать на философию, вы сказали?

В. С.: Не только на философию. В какой-то степени он был осведомлен. Более того, ведь руководителям, поднимающимся высоко, тоже хотелось дать что-то философское, были претензии. Вот в «Кратком курсе истории ВКП (б)» 38-го года он написал главку о диалектическом и историческом материализме. В общем, она стандартна, но, скажем, вместо «законов» диалектики он стал употреблять слово «черты». И вот

^{*} Блокада Ленинграда продлилась 872 дня с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года.

академику Ойзерману считалось более правильным, чем «законы». Вот он сейчас высказывается и в печати, да.

М. Н.: Ойзерману больше нравилось «черты», вслед за Сталиным?

В. С.: В данном контексте. В общем-то, нет, он знает, Сталин не тот руководитель и мыслитель, которого он будет...

М. Н.: В смысле критиковать?

В. С.: Но он... Вот у Сталина другая [заслуга], его за это некоторые интеллигенты и философы, как бы сказать, очень благодарили и считали, что он сделал большой шаг в развитии философии. Что я имею в виду? Это его статьи против марризма.

Марр — великий, вообще говоря, филолог, но он поддался тоже марксизму. Я не знаю суть его трудов, но он был проводником марксизма в филологии. У него идея идет глоттогонического процесса, как он совершается, и мы должны выйти к одному языку, к примеру. Но и его эта мысль, не его, но Сталин, обрушившись на марристов, приписал им, а впрочем даже не им. Одна идея его этих трудов — это то, что язык не является надстройкой над социально-экономическим базисом. Но я не знаю, что так называемые классики марксизма, кто-то из них утверждал, что язык тоже надстройка. Можно говорить условно о том, что в обществе языки у верхов и низов отличаются друг от друга, в этом смысле что-то надстроечное есть, а так — не знаю, нет. Так у Маркса-Энгельса-Ленина нет таких мыслей, а он или придумал, или он у марристов, даже самого Марра, почерпнул, но ему были очень благодарны, Сталину. И Лосев такие статьи стал писать, и тут он вышел в печати как раз. Вот в связи со статьями Сталина и сразу после них стал прославлять марксизм, Сталина за его статьи. Но что вы удивляетесь, был такой...

М. Н.: Алексей Федорович?

В. С.: Конечно. У него есть марксистские вполне, сколько — немало. Правда, отрицает Аза Алибековна, что это... Но есть, есть. А вся его диалектика, простите, ей далеко до диалектики Энгельса, но вот есть. Он влюблен в диалектику, страсть к диалектике.

Был в Институте мировой литературы такой крупнейший классик, Соболевский Сергей Иванович. Когда культ Сталина стали разоблачать, он яростно защищал его. Он говорил: «Товарищи, кто же нам открыл глаза, что язык не является надстройкой над базисом?» Соболевский, конечно, не очень в этом разбирался, да ему было и все равно, но он понял так, что товарищ Сталин молодец.

А когда Хрущёв провозгласил коммунизм за двадцать лет, и было распоряжение — вот ведь комедия — научным сотрудникам и преподавателям написать свои двадцатилетние планы: двадцать лет вплоть до коммунизма. Конечно, большинство смеялись. Мне передавали, одна женщина в Институте, может, мировой литературы, сказала: «Ну, на двадцать лет — это мне никакого труда не составляет, а вот какой план на будущий год — вот это непросто». Непросто (усмехается). А Сергей Иванович Соболевский дал план на двадцать лет, какие переводы, что еще, но сделал сносочку внизу: «Прошу учесть, что мой преклонный возраст, возможно, не позволит выполнить этот план». А ему было уже за девяносто (смеются).

Ну так вот все-таки в этой неразберихе Белецкий одержал верх. Моя защита была очень буйная, бурная, на меня, как говорится, катили бочку.

М. Н.: Расскажите о защите о своей, пожалуйста.

В. С.: Потом, сейчас я уже расскажу. Но появились все-таки кафедры русской философии, она ничего не принесла. Недавно была у нас годовщина Герцена, я перечитал «Письма об изучении природы» и вижу, что он прочитал историю Гегеля, лекции по истории философии и их изобразил как бы. Но это чисто литератор, что он понял. Герцен! А он хорошо писал. А что же за Чернышевского, Белинского...

Вот кафедра логики, тут все-таки уцелевшие старые, дореволюционные профессора, выучка преподавателей. Они очень большую, огромную роль сыграли. В частности, Яновская Софья Александровна, вокруг нее постепенно создавалась не традиционная логика, а логика символическая, математическая.

М. Н.: А Войшвилло Евгений Казимирович?

В. С.: Войшвилло один из лучших ее учеников. Там не только Войшвилло, там и Смирнов, там и Горский, и многие другие. В Европе-то давно, а у нас не было совсем, почти не было, да.

Валентин Асмус. Похороны Бориса Пастернака

И наша кафедра была в загоне. Что Чернышёв один мог сделать. Он человек образованный, умер рано, в сорок восемь лет, после этой проработки. Асмуса не пускали на кафедру, не доверяли ему, считали почему-то меньшевиствующим идеалистом, деборинцем. Он знал цену Деборину. Он был выше Деборина. Асмуса не любили, потому что партийцы с русской кафедры и другие понимали, что они-то мало что знают, судят не очень грамотно, и обращались к Асмусу. Они, так сказать, перед ним испытывали комплекс неполноценности, а он сделал больше всех. В сущности, между нами говоря, даже больше Лосева. Лосев такие большие накатал, их и читать трудно, и прочее. Асмус писал небольшие, блестящий стилист. К тому же он историк философии, всей практически, так или иначе знал античную, средневековую меньше и прочие, до Ницше, до Бергсона, до прагматизма, — всё у него там написано. Это не то, что вы спотыкаетесь, даже Лосева читая. Там вы читаете, и все понятно. К тому же он и эстетик, историк философии, логик. Долго работал на кафедре логики, его на историю философии не пускали: меньшевиствующий идеалист, как это ему доверять? Да, но и эстетик. Вот возьмите статью «Круг идей Лермонтова», она с элементом литературоведения. Много его прорабатывали, его выбрасывали из Академии комвоспитания, и особо были у него переживания, связанные с похоронами Пастернака.

М. Н.: Асмус любил Пастернака.

В. С.: Они были друзья. Пастернак умер, и ему вроде бывсе-таки Союз писателей, который исключил Пастернака... Асмус всегда говорил: «Позор для Союза писателей». Асмус тоже был членом Союза писателей. Там должны были бы трое выступить: Паустовский, писатель, Борис Ливанов, артист, отец лучшего исполнителя роли Шерлока Холмса... Но они уклонились, у одного сердце, а Асмус сказал: «Пока звучит русская речь, Пастернак...», — ну, самые лучшие и правильные слова: что будут помнить и прочее, что его конфликт — это был конфликт не только с нашим строем, это был конфликт со всеми другими расширил. Значит, его философы в Институте философии, но в особенности на факультете, а Асмус уже работал у нас на факультете, всё-таки прорвался на нашу кафедру... Ойзерман молодец здесь, он человек ловкий, и когда говорили, что «как же у вас профессоров почти нет», ответил: «Да, надо Асмуса, значит». Перевели, да. И мы были очень рады, более молодое поколение. И вот такое избиение... Асмус отбивался, но он же по-интеллигентски, и говорил наивно-лукаво: «Товарищи, по-видимому, читали «Доктора Живаго», хорошо его знают, а я не читал «Доктора Живаго»». Он уклонялся, он же читал, конечно. И вот ловкий Теодор Ильич, партийный, всегда, когда нужно, он выступает, подготовился, почитал, эти-то никто Пастернака в руках не держали, а он прочитал стихи какие-то и начал вот с этого стихотворения «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» — известная строфа Пастернака. Он говорит: «Вот он всегда был, зачем нам читать «Доктора Живаго», он всегда был антисоветчик».

М. Н.: Это Ойзерман говорит? Где это было?

В. С.: Ойзерман. Это было после похорон Пастернака.

М. Н.: А где? Где это было обсуждение?

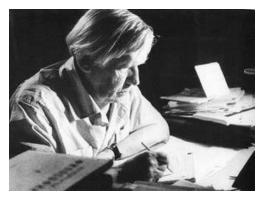
В. С.: Обсуждение у нас на факультете на совете. Тогда осудили за неправильную политическую вещь, что он именно антисоветчик, антисоветчик — Пастернак, а Асмус проявил политическую близорукость.

Кончилось, мы с ним были очень близкие уже к тому, он говорит: «Василий Васильевич, мне придется уйти, я уйду. Меня столько били, прорабатывали, выбрасывали, что лучше, — он работал по совместительству в Институте мировой литературы в секторе эстетики, — я туда совсем перейду». Я говорю: «Подождите, Валентин Фердинандович, сейчас, может быть, можно ждать изменений».

И Константинов Федор Васильевич, это редактор «Философской энциклопедии», ни одной книги у него нет своей, есть статьи всякие, он был еще, по-моему, ректором Академии общественных наук, явился для согласования каких-то вопросов (всегда они согласовывали) к Суслову. Что-то они согласовали, он говорит: «Вот мы еще Асмуса выводим из редколлегии «Философской энциклопедии». — «А за что вы его выводите?» — «Как же, Михаил Андреевич, заявить на похоронах, что Пастернак — это конфликт его в «Докторе Живаго» и вообще со всеми эпохами. На что это похоже?».

М. Н.: А Суслов?

В. С.: И Суслов говорит: «Товарищ (окает) Константинов, конечно, это следовало бы иначе несколько сказать, но без этой речи было бы еще хуже». Там бунтовали, бушевали, собралось народу, как Ойзерман говорил «литературные мальчики всякого рода». Суслов говорит: «Было бы еще хуже, и вообще, товарищ Константинов, не надо путать политику и науку». Все их обсуждения... Словом, они стали заискивать перед Асмусом. Все равно он же не мог ничего, он же никакой не начальник, они вот тут поняли, что сделали такую...

Валентин Фердинандович Асмус. Источник фото: www.1september.ru

М. Н.: А откуда вам известно об этом разговоре?

В. С.: Конечно, я там не присутствовал. Но там знали уже. Сам Константинов небось рассказал. А Асмус учитель подлинный. Есть большая книга об Асмусе, второе издание мы опубликовали. Он больше всех сделал. Большой след оставил в душах. Сугубо интеллигент, человек мудрый, никого не обличал, работал и работал, подсказывал всем, многие довольно... Гайденко ведь тоже у нас начинала работать. Она пишет, как он ей помог в каком-то трудном вопросе. Ой, а когда прорабатывали его еще в 30-х годах как меньшевиствующего идеалиста, был такой профессор Ситковский Евгений Петрович, так все-таки он сумел получить гимназическое образование, но дело-то не в этом, он все равно перестраивался, и он подошел к Асмусу, сказал ему: «Валентин Фердинандович, обвинения в меньшевиствующем идеализме опасны политически». Действительно, Карева и Стэна — правая и левая рука Деборина — арестовали, расстреляли. «Поэтому это опасно, я вас буду защищать». — «Евгений Петрович, спасибо, как же вы меня будете защищать? Вот после таких проработок».

М. Н.: Фамилия этого профессора была?

В. С.: Ситковский.

М. Н.: Откуда он был?

В. С.: Он работал и в ЦК, правда, ему давали десять лет, он десять лет отсидел.

М. Н.: Так как же он собирался защищать?

В. С.: А вот это было до того, значит. Он сказал: «Я буду доказывать, что вы не меньшевиствующий идеалист, это опасно, а что вы буржуазный идеалист». (Найденкин смеется). Он говорит: «Евгений Петрович, пожалуйста, не надо. Хоть это неверно, но уж лучше мне оставаться меньшевиствующим идеалистом, чем стать буржуазным». А буржуазные, они знали, Бердяев в своем журнале «Путь» в рецензии на «Историю диалектики» Асмуса сказал, что все-таки философия не умерла в Советском Союзе, вот такие там труды. Правда, и критиковал: «Всё интересно, правильно, но когда он с необходимостью начинает рассуждать о марксистской религии, то, значит, вот тут...» А как же не рассуждать. Вот это уже знали о нем. ЦК всё знает, они же выписывали и Бердяева, его журнал.

М. Н.: А значит, Ситковского звали по имени-отчеству?

В. С.: Евгений Петрович. Его под конец жизни заарканила, вот тут у нас ходит Демидова такая, она на социологическом факультете.

М. Н.: По социалистическому воспитанию, да? Коммунистическому воспитанию?

В. С.: Я даже не знаю, по чему она работает, но она какая-то из партизанок, ей за восемьдесят далеко, помоему, под девяносто. Он сидел, и жена его сохранила его библиотеку, когда вышел, то библиотека цела, но жена-то умерла...

М. Н.: А он за что сел?

В. С.: А кто знал, за что сел, за шпионаж какой-нибудь.

Философия народов СССР

Вот все это Асмус. Потом кто появились здесь у нас, кто есть? Ойзерман, человек талантливый. Он блестящий, как сказать, лектор-оратор, но на социально-политические темы, а темы собственно философские, по моему убеждению, у него мало интересны, серы. Он ловок, он во многом спасал кафедру от всяких нападок, их полно же было. Кафедры увеличились, увеличивались количественно. Русская философия имела разные названия: русская, потом философия народов СССР — вообще нелепое название.

приказ	РСИТЕТ ИМ. М.В.ЛОМОНОСОВА
TO TOOR	B 750
16 марта 1992 г. "О переименовании ка факультета"	№ 156 бедр философского
§ I	
Переименовать кафедру Истории ф философского факультета в кафедру Ис-	
Переименоветь кафедру истории и философского фекультета в кафедру фи: ведения.	
§ 3	
Переименовать филиал кафедры "А ских исследований" в кафедру Философ- комплексного изучения человека.	
84	
Внести соответствующие изменени: фекультете и в структуру Московского	
московского университета академик	А.А.ЛОГУНОВ
Проект прикезе вносит:	Согласовано:
Декен философского фекультете	Проректор Московского университета, профессор
А.В.Панин	

Согласно приказу № 156 от 16 марта 1992 года кафедра истории философии народов СССР философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова переименована в кафедру истории русской философии. Источник: www.runivers.com

- **М. Н.:** А как вы относитесь к тому, чтобы в культурном смысле создавать героев, отчасти искусственных, в республиках?
- В. С.: Каких республиках?
- М. Н.: Региональные философии создавать?
- В. С.: Их издавали.
- М. Н.: Как вы относитесь к этому? Это же зачастую было притянуто за уши.
- **В. С.:** Тут там, где... Авиценна, Аль-Фараби, арабоязычные философы, но Авиценна Ибн Сина это философ, который таджик, а таджикский язык это иранский язык, а иранский язык и таджикский это индоевропейские языки, не тюркские.
- **М. Н.:** А вы рассказывали как раз про конференцию. Помните, мы шли, и вы рассказывали про конференцию, которая была в Средней Азии на эту тему?
- **В. С.:** Конечно, была. Тысячелетие Авиценны. Вот эти фигуры подлинные, настоящие. Авиценна и на Спинозу повлиял. Но там много и надуманных фигур выделяли. Например, у армян был Давид Анахт, неоплатоник VI века. Такую конференцию международную в Ереване устроили. Мы там выступали, говорили все да, какой он личности. А был один грек там же, он назвал какое-то подлинное имя греческое

Давида Анахта, греческое, что армяне его себе взяли. Понимаете, ведь армяне — это народ, который первым принял христианство, христианство стало общегосударственной религией в 301-м году. В этом отношении... Потом в древности не повезло им, их окружили эти, в конце концов сейчас они что — загнали в мусульманский угол. Им страшный геополитический удар, по существу, нанес Ленин: он отдал Арарат туркам, вот эти места исконно армянские. Он думал, что Ататюрк тоже пойдет по этому пути. А Ататюрк оказался умнее, он Турцию поднял насколько мог.

Кафедра истории зарубежной философии

Мельвиль стал заведующим кафедрой, когда Ойзерман ушел.

М. Н.: В каком году пришел Мельвиль?

В. С.: В 68-м умер?

М. Н.: Нет, в каком году пришел Мельвиль?

В. С.: Пришел-то он еще в 49-м.

М. Н.: Я имею в виду на заведование.

В. С.: А заведующим он стал, когда Ойзермана мы стали прорабатывать по разным там... Он устал, сказал: «Зачем мне это все?» И декан стал другой, Овсянников. И Ойзерман ушел в Институт философии, и Мельвиль...

М. Н.: А почему Ойзерман ушел?

В. С.: А потому что здесь стало столько докторов, которые его не очень слушались, более того, стали в чемто критиковать, да еще как. Вот был такой Чанышев у нас, Арсений Николаевич, он его...

М. Н.: С Чанышевым у них не сложились взаимоотношения?

В. С.: Не просто не сложились. Он был такой шизик, поэт талантливый, хорошие книги и очень неплохая поэзия. Назвал его, помню, на каком-то нашем обсуждении: «Зажрались вы, Теодор Ильич». Он увидел, что лучше уйти, тут еще лекции читать, а там... Он перешел. Мельвиль стал.

М. Н.: Расскажите про Мельвиля.

В. С.: Мельвиль очень много пережил в жизни, правда, ему легко было в том смысле, что... Отец его дворянин. Он писал в анкетах «из бывших дворян». Отец их покинул где-то в 18-м году, Мельвиль немолодой, он 12-го года. Отец покинул, и мать вышла за морского офицера. Но жил он в хороших условиях, был очень воспитан. И он начал читать первый, до него Дынник читал так, приспосабливаясь, современную философию, ее вообще не было. Называлось «Критика буржуазной философии», один семестр. Мельвиль ее расширил до одного года. Потом он воспитал, у него появился ученик Богомолов Алексей Сергеевич.

М. Н.: А как Мельвиль получил философское образование?

В. С.: Он получил вроде экономического, потому что философское ему негде было.

М. Н.: Это самообразование, да?

В. С.: А философское, что вы хотите, до войны было семь философских факультетов. Один был в Петербурге, тогда в Ленинграде, но он, будучи в армии, сумел вступить в партию — как дворянинато не брали. Став членом партии, он поступил к нам сразу в аспирантуру, на факультете как таковом он не учился. Но он человек образованный, хотя уж не очень-то тут учиться пришлось при советской власти. Но он прекрасный руководитель был. Он очень тщательный, очень обязательный, все диссертации читал, даже кандидатские диссертации читал. Его запомнили. Умер в 93-м году. Кто еще? Богомолов, Нарский

Игорь Сергеевич.

М. Н.: У Богомолова характер был, говорят...

В. С.: Богомолов был человек прямой, резкий, грамотный, образованный...

М. Н.: Языки знал хорошо.

В. С.: Он не из дворян, конечно. Его подвело то, что в армии он, он не успел уже в войну, он 27-го года, но летчиком он стал. Но каким-то образом, заразился он, что ли, тяжелым диабетом. Заражаются им, или как?

М. Н.: Нет, заразиться вряд ли, но...

В. С.: Тяжелым диабетом, был на двух уколах. Читал сначала вместе с Мельвилем, потом независимо от него буржуазную философию современную. А потом повернулся через плечо и античностью занялся, выучил язык греческий. Книги я ему какие-то доставал у Лосева.

М. Н.: Вы для него доставали книги?

В. С.: Конечно, я уже с Лосевым был близок, наезжали к нему ежегодно с Михаилом Федотовичем Овсянниковым — это профессор, который организовал кафедру эстетики, одно время она у нас была с этикой. Молодцова освободили, он долго был, и Овсянников стал деканом, два года он был деканом*. Поэтому он меня ввел к Лосеву, то есть я его и раньше знал, но я был в Корее и прочее. Вернувшись из Кореи, я обрадовался, что Лосева уже стали печатать.

М. Н.: А когда вы в Корее были?

В. С.: 52-й, 53-й, 54-й год, во время войны. Потому что сказали: «Вот поедете, ну и там война закончится, сейчас переговоры идут».

М. Н.: В качестве кого. Василий Васильевич?

В. С.: Ой, я удивился, потребовали историка философии. Я прибыл...

М. Н.: В Пхеньян? В столицу.

В. С.: В Пхеньян, скорее около Пхеньяна, его били же. Меня сделали советником проректора Пхеньянского университета Ким Ир Сена при отсутствующем – он утонул – ректоре. Вот была моя, так сказать, должность. Хорошие отношения с ним сложились. Вообще вся она была организована советскими корейцами. И орден большой мне дали такой, не только мне, еще троим-четверым из других городов советникам. Понимаете, что касается... О чем мы говорили?

М. Н.: Мы про Овсянникова Михаила Федотовича говорили.

В. С.: Да, Овсянников-то оставался здесь. Когда я вернулся, я его не забыл, Лосева, но вижу, что его снова печатают. И мы к нему регулярно стали ходить, приезжать, беседовать на разные темы.

М. Н.: А мы — это кто стали приезжать?

В. С.: С Овсянниковым.

М. Н.: С Овсянниковым, вдвоем.

В. С.: С Овсянниковым, да.

М. Н.: И к Асмусу вы...

В. С.: Нет, там классики – Нахов, другие. У Спиркина они жили, был такой философ Александр Георгиевич

^{*} Овсянников был деканом философского факультета МГУ в 1968—1974 гг.

Спиркин.

М. Н.: И к Асмусу вы тоже ездили.

Похороны Асмуса

В. С.: К Асмусу разумеется. Я хоронил Асмуса. Я с Асмусом был очень близок. Он был человек религиозный. Однажды читал литургию на греческом языке. Но все-таки самая наибольшая несправедливость к нему была проявлена. Вот с ним об Академии — в сущности и выдвинули, и избрали, а потом обратно. А потом работал он в Академии комвоспитания, там проработали, уволили. И уже чуть не на этот или со следующего, это уже 31-й год, наверное, — вот нравы! — явились студенты (а он жил в общежитии Института Маркса-Энгельса-Ленина, и сейчас двухэтажное здание института есть за Музеем ИЗО), вывели пианино и стали выбрасывать его вещи. Как-то их утихомирили. А он стоял на очереди в кооператив, и сказал: «Товарищи, что же делать мне-то, я в очереди стою, но мне негде совсем жить». Словом, дали ему квартиру на Смоленском бульваре.

А если перебросить в дальнейшее, он купил дачу в Переделкино как член Союза писателей. Там, конечно, были много раз. И когда умер, мне звонит дочка, что умер папа. Мы с Мельвилем сразу приехали. Приехали, похороны через дня два-три. Его отпевали прямо в комнате на даче, а потом прибыли к церкви со священником. Это был 75-й год. Много собралось поклонников, его очень любили, потому что это такой типично русский интеллигент, отец из немцев обрусевших, мать его русская, он православный. И Гайденко еще была с нами, она тоже начинала у нас. Вот всё новое поколение, оно совсем другое в ряде отношений. Увидев священника, Ойзерман и другие стали разбегаться к станции. Священник — ясно, что он тут еще будет отпевать, не отпевать, отпевание произошло, но к могиле еще. Я организовал, как положено, прощальное слово. Я сказал, декана увлек, это был уже Мелюхин, еще одного литератора. И двинулась процессия, ну какая процессия: священник идет, идет за ним Валя, сын, теперь настоятель одного собора, тогда студент последнего курса классического отделения, жена его. Я думаю, что оставлять неудобно, говорил хорошо о нем и что же теперь. Пошел и я, Мелюхина увлек. Не знаю, еще кто-то был ли. Мы дошли до могилы, по-русски — комки эти и прочее. Словом, вот так похоронили достойно. А на следующее утро мне звонит Мелюхин, декан: «Нам надо писать объяснения в партком, что произошло».

- М. Н.: А кто партком факультета в этот момент возглавлял?
- В. С.: Кажется, Протопопов. Был Ягодкин, а Ягодкина сменил Протопопов.
- М. Н.: А Пащенко потом был, да?
- **В. С.:** Пащенко секретарем парткома не был. Он был, может, уже в советские времена каким-то, а секретарем парткома он никогда не был.
- М. Н.: Я имею в виду факультетского.
- В. С.: Факультетского да, вроде был.
- М. Н.: Но вам в мгушный партком пришлось писать?
- В. С.: Да, конечно. Написали, помогла вдова, что настояла на этом теща ее, еще живая, ровесница Асмуса почти, чуть старше, потому что это жена вторая у него.
- М. Н.: Что же объяснительные писать пришлось взрослым, уважаемым людям?
- В. С.: Во первых, что взрослым...
- М. Н.: Из-за того, что вы поучаствовали...
- В. С.: Сравнительно молодые, а потом...

М. Н.: Вам пятьдесят пять лет.

В. С.: Мы члены партии, обязаны были... Мне говорил заведующий кафедрой научного атеизма, тогда так он назывался, Михаил Петрович Новиков, мужик-то хороший, доброжелательный: «Твоя ошибка в чем? Уж раз ты организовал это прощальное слово, хотя другие-то сообразили и, видя священника, стали удаляться быстро, а ты организовал. Но зачем же ты пошел за ним? Да еще и декан за тобой. Ты выразил свое воззрение...»

М. Н.: И должен был убежать, да?

В. С.: Я не знаю, оставаться на месте, может быть. Потому что Нарский как раз, он тоже пришел... Не все пришли, Богомолов не пришел, Кузнецов не пришел, еще одна, по-моему, не пришла. Мы знаем, кто из преподавателей сразу написал в партком, но не нашей кафедры, конечно, другой. Но уже все-таки не было такого, если бы это было на десять лет раньше, почти сталинский период, тут было бы уже...

М. Н.: На двадцать лет.

В. С.: Вот я вам много рассказал.

М. Н.: Хорошо, Василий Васильевич, сегодня очень долго, вы очень устали. Спасибо большое.